

На пороге храма двое стояли почти вплотную, лишь дверной порог разделял их. Бянь Хун, испугавшись столь резкого сближения, поспешно отступил в сторону. Однако мужчина, похоже, неправильно понял его движение. Он решил, что Бянь Хуна напугали его странные, разного цвета глаза. Поэтому он по привычке быстро опустил голову и рукой поддёрнул длинные пряди, снова прикрывая правый, синий глаз. Затем нагнулся, шагнул внутрь храма, схватил несколько сухих поленьев, вынул из очага горящую лучину и вышел наружу. Там, у входа, он поджёг две мёртвые волчьи туши.

Смрад сырого звериного мяса, смешанный с запахом палёной плоти, мгновенно вызвал в памяти Бянь Хуна слишком многие ужасные сцены. Его лицо побелело, его вывернуло от тошноты, и всё тело начало мелко трястись. Двое детей же, напротив, проснулись от запаха мяса. Прижавшись к брату, они тёплыми руками грели его холодные пальцы, но животы их всё равно громогласно и беспощадно заурчали от голода.

Мужчина не стал возвращаться внутрь. Вместо этого он молча бросил через дверной проём только что добытую, ещё тёплую дичь - дикую птицу, которую Бянь Хун видел лишь однажды: у нее были длинные яркие перья и мощные крылья, и поймать её практически никому не удавалось.

— Волчье мясо есть нельзя, — донёсся из-за двери его низкий, приглушённый голос.

После этих слов он умолк.

Спустя некоторое время дрожь у Бянь Хуна немного отпустила. Он хотел выйти взглянуть, но мужчины уже не было. На земле осталась лишь обугленная зола от сожжённых волчьих туш, и та была наполовину присыпана землёй.

Получив ни с того ни с сего дикую птицу, Бянь Хун стоял в дверях храма в недоумении. Но эта птица в самом деле спасла их троих в тот момент, когда провизия была полностью исчерпана. Два дня и одну ночь они шли без остановки, даже заблудились. Дорога, что наметил старый лекарь, и правда в некоторых местах уже пересохла или заросла. Но Бянь Хун твёрдо помнил его наставление: держаться вдоль хребта, не лезть в горы. Он расспрашивал многих встречных, и лишь так им удалось наконец добраться до Наньци-Вадзы.

Стоя у входа в маленькую деревушку, Бянь Хун испустил долгий, глубокий вздох и крепче сжал руки двух детей. Он не хотел разжимать пальцы... но всё же повёл их дальше. Если человек хочет жить, он должен идти вперёд.

Двоюродного брата крестьянина звали Минь Байгуй, но судьба, увы, не всегда соответствует имени. Семья Минь Байгуя ютилась в маленькой соломенной хижине неподалёку от входа в деревню. Восемь душ - стар и млад - они теснились в двух крошечных комнатах. Уже близилась ночь, но зажечь масляную лампу они не решались. В миске на столе плавала жидкая похлёбка, в которой не было ни единой крупинки риса, к ней подавали три огромные чаши водянистой тушёной редьки, и это считалось ужином.

Единственным мясным блюдом была та половина жареной дикой птицы, что Бянь Хун берёт как подарок для встречи. В мясе не было ни одной косточки, все кости были раздроблены и сварены в супе с редькой.

Минь Байгуй, услышав, что его двоюродный брат умер, не смог сдержать слёз, долго причитал, а затем утешил троих пришедших, сказав, что завтра он сперва отведёт Бянь Хуна, Юаньдина и Гуаньбао для оформления в домовую книгу, а дальше уж будут думать по обстоятельствам.

Ночью Минь Байгуй растопил печь и уступил самое тёплое место в доме этим троим. Но Юаньдин и Гуаньбао, даже найдя родственника, так и не обрели покоя, они по-прежнему были как две пугливые пташки в гнезде, которым нужна была только одна защита во всём мире - руки Бянь Хуна. Лишь прижавшись к нему, они могли уснуть.

Бянь Хун, слушая, как в темноте храпят старики, был переполнен чувствами. Семья эта - люди добрые, простые, чистосердечные, но слишком уж бедствуют: прокормить собственных четырёх детей им уже тяжело, куда уж им брать на себя ещё и подростка Юаньдина да болезненного Гуаньбао. Но по сравнению с людоедскими ужасами вне деревни здесь, по крайней мере, была миска похлёбки.

В тишине ночи, погружаясь в дремоту, он вдруг различил неясные голоса со стороны очага за домом - Минь Байгуй вполголоса говорил с женой. Судя по голосу, жена уже успела получить нагоняй и теперь едва сдерживала слёзы.

— Не в том дело, что я забываю родственные чувства, — всхлипывала она, — но мы и сами больше не можем жить. Если бы годы были урожайные, пришли бы ещё двое, и тех бы выкормила. Но уже два года ни зернышка нет, держимся лишь на поддержке деревенских да моих родных из Шаньюя... Как же нам прокормить этих троих?

Минь Байгуй сердито прошептал в ответ:

— Они же наша родная кровь. Пришли ко мне через тысячу ли, чтобы спасти жизнь. Да к тому же это дети моего покойного двоюродного брата! Не говори так. Кормить будем обязательно. Пара лет, и подрастут, сами уже смогут на себя работать. Нам нужно лишь стиснуть зубы и пережить эти годы.

Жена больше ничего не сказала, только тихо плакала. В конце концов Минь Байгуй тяжело вздохнул и произнёс:

— Эх... тогда мне завтра придётся идти в Мэмэн работать на гибель.

— У-у-у... муж мой, нельзя! — разрыдалась жена. — В гору поднимаешься, живым не вернёшься. Не говори так, умоляю... У-у-у... Я завтра опять к родным за помощью схожу...

После этого ночь снова стала тихой, слышно было лишь, как шуршит ветер.

На следующее утро Бянь Хун встал рано и прямо сказал Минь Байгую, что хочет сам найти работу и заработать детям на пропитание. Но работу давали только после проверки домовой книги, особенно чужеземцам. Минь Байгуй взглянул на хумынь-бу Бянь Хуна, оставшийся от Минь Си... и понял - дело ещё хуже: это же ланцзюнь.

— Дитя... В такие голодные годы, если бы нашлась работа за еду, я бы сам давно пошёл. Не пришлось бы держать в доме семь-восемь ртов без крошки хлеба. Минь Си... ты не беспокойся, как бы ни было тяжело, дядя вас троих всё равно прокормит.

Бянь Хун не нашёл, что ответить. Он думал, что, как только пристроит детей, сам сможет идти куда глаза глядят, будет жить или умрёт уже по воле случая. Но выходит, его сердце снова висит на волоске.

Вечером жена Минь Байгуя вернулась из Шаньюя на телеге, которую ей дали родные. Но приехала она не одна, с ней было ещё несколько человек. Судя по одежде и виду, жили они неплохо, по крайней мере могли вдоволь есть даже в такие голодные годы.

Несколько человек прибыли затемно, дело, видимо, было и срочным, и тайным. Они шептались с Минь Байгуюем за двором, о чём, Бянь Хун не расслышал, но видел, как ещё минуту назад обрадованный Минь Байгуй вмиг побагровел от злости и не смог удержать голос.

— Не пойдёт! Как такое возможно! Ли-санлан, ты пришёл свататься за моей старшей дочерью, открыл рот и сразу пообещал пятьдесят цзиней проса. Я-то думал, радость свалилась на голову... А оказалось это та семья у подножия Мэмэн. Нет! Ни за что!

Человек по имени Ли-санлан поспешил заулыбаться, заискивая:

— Братец, ну что ты... В такие годы людям самим жить нечем. Пятьдесят цзиней проса хватит вашей семье протянуть до самой весны. Одна девица в обмен на жизнь целой семьи - разве не выгодная сделка?

Минь Байгуй сплюнул:

— Так что ж ты свою дочь не отдашь?!

Лицо Ли-санлана дёрнулось. Да он бы и рад... Но стоило его дочери услышать, что жених - тот самый Жун Фэн из-под горы Мэмэн, она в ту же ночь сбежала. Приданое в сто цзиней проса наполовину съели-перетаскали, осталось лишь около восьмидесяти.

Отказаться от сватовства теперь уже не выйдет: вернуть приданое он не мог, проса жалко, а самого Жун Фэна он до смерти боялся. Вот и решил тайком найти замену, лишь бы всё прошло

тихо да незаметно. К тому же на этом деле он намеревался ещё и тридцать цзиней проса себе в карман припрятать.

Минь Байгуй по-прежнему яростно мотал головой:

— Думаешь, мы далеко живём и не знаем, что собой представляет этот Жун Фэн? Старики ведь сказывают: он рожден от его матери и горного чудища, на человека не похож. Ладони - как тигриные лапы с когтями; глаза как у призрака, рожденные не для живых. И слышал я, что та штукавина, что у него между ног, как у жеребца, может обхватить ему всю талию. Какая хорошая девушка, попав к нему, выживет? Да её до смерти замучают! Если бы он был нормальным, разве дошёл бы до того, чтобы в эти времена менять проса на жену?!

Ли-санлан перепугался и замахал руками:

— Ай-ай, потише! Не вздумай так громко, люди услышат!

Хотя он и сам когда-то согласился на сватовство ради ста цзиней проса, всё равно боялся до дрожи. Впрочем, он был далеко не один такой, в округе вообще не находилось смельчаков, которые осмелились бы заговорить с Жун Фэном.

Когда-то Жун Фэн с матерью жили в деревне Шаньюй, но соседи их боялись так, что те в конце концов переехали, причём не куда-нибудь, а прямо в гору Мэмэн, знаменитую своими смертельными ущельями. Все думали, что мать с сыном там погибнут. Но, похоже, живут они там даже неплохо, если в такие голодные годы могут выложить сто цзиней проса. Только это ещё больше пугало людей, заставляло держаться от него подальше.

Какой нормальный человек способен выжить в Мэмэн? Это лишь подтверждало, что он не человек.

Минь Байгуй отругал и свою жену за то, что она привела этих людей в дом. Ли-санлан, выслушав длинную тираду ругани в свой адрес, хоть и завуалированную, но понятную, понял, что дела не будет. Понурившись, он понял, что пришёл зря, и решил уходить.

Но путь ему преградил Бянь Хун, вышедший из-за дворовой стены.

Пятьдесят цзиней проса, и двое детей смогут наконец обрести постоянный кров, не будут больше голодать. Что касается его самого... Бянь Хун уже не думал ни о чём. Всё для него было безразлично.

— Я могу пойти? — тихо спросил он.

Жена Минь Байгуя сперва остолбенела, а затем вдруг хлопнула в ладоши. Точно! Старший в доме Минь - ланцзюнь, он тоже может выйти замуж. К тому же, говорят, служил в армии,

значит, покрепче и поустойчивее обычных девушек. Может статься ещё и выживет там!

Когда стоит выбор между смертью от голода и чем угодно другим, выбирать особенно не приходится. В тот же вечер Бянь Хуна вымыли горячей водой, нарядили в красное, украсили полагающимися лентами и усадили в простенький цветочный паланкин. Под фальшивые, сбившиеся звуки флейт и барабанов, поскольку один из музыкантов по дороге упал в обморок от голода, его понесли к подножию горы Мэмэн. Процессия, дрожащая от страха, шла так, будто несла не невесту, а жертвоприношение горному духу.

На следующее утро двое детей проснулись на уже остывшей лежанке. Брата они рядом не нашли, только на столе стояли две чашки ярко-жёлтой каши, приготовленные специально для них.

— Где брат Си? — дрожащим голосом спросил Юаньдин.

Минь Байгуй молча вздохнул и просто подвинул к ним чашки с кашей из проса.

Юаньдин, вспомнив всё пережитое на дороге бегства, вдруг понял... и, уставившись на чашку, окаменел. Его такой добрый, такой хороший брат Си превратился вот в эти две чашки каши.

С тех пор, уже став взрослыми, оба ребёнка, даже умирая от голода, больше никогда не прикасались к каше из проса. Для них это был вкус, в котором смешались детская беспомощность, ярость, страх и бесконечная растерянность... едкий запах их собственной слабости.

Деревня Шаньюй.

Паланкин дошёл лишь до подножия горы: дальше носильщики идти не посмели и остановились, ожидая тех, кто придёт забрать «невесту». Бянь Хун чувствовал, что и тело его, и дух были на грани полного истощения. Его укутали в линяющее красное домотканое платье, а в тесноте паланкина каждый вдох давался с трудом. Ярко-красный паланкин напоминал ему и карцер для провинившихся солдат в армии, и неподвижное пространство под обломками землетрясения, и почти обвалившиеся чёрные штольни подземной угольной шахты. Он качался между явью и бредом, его мутило.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда алый, словно кровь, мир вокруг вдруг раздвинулся: занавес приподняли, и внутрь хлынул прохладный, чистый, как горный ручей, воздух, мгновенно рассеяв весь застой и мрак. Мужчина, ловко подхватив его, одним движением вытащил наружу и удержал, будто тот весил не больше пушинки. Затем свободной рукой откинул красный свадебный покров.

Ли-санлан, затеявший всю эту историю, пришёл бы и сам, да не посмел; он лишь велел носильщикам паланкина передать необходимые слова. Те, увидев мужчину и вспомнив все слухи, уже едва стояли на ногах от страха. Но, помня о заранее оговорённых двух лянх проса,

всё же выдавили из себя объяснение:

— Э-э... Это... второй сын из семьи Ли... ланцзюнь... редко выходит из дома, его почти никто не видел. В... в жёны брать можно, ничуть не хуже обычной девки...

Мужчина не стал их слушать, только длительно и пристально смотрел на Бянь Хуна. А затем вдруг спросил:

— А где двое детей, что были с тобой?

У Бянь Хуна по спине пробежал холодок. Голос... словно слышал его прежде. Он наконец распахнул глаза. И тут же увидел, как под прядями растрёпанных волос сверкнула пара глубоких, разноцветных глаз: один тёмно-карий, другой синий, как морская вода.

В одно мгновение у Бянь Хуна в голове пронеслось множество мыслей: вот уж совпадение... Да и Ли-санлан, выходит, прокололся со своей подменой - этот человек понял, что он беженец и что им подменили невесту.

Но сказать что-либо Бянь Хун уже не успел. Перед тем как упасть в обморок, всё его тело содрогнулось в остром приступе, и он только тихо прошептал:

— Отпусти. Не трогай меня.

<http://bllate.org/book/13502/1199887>